

Наступило утро первого дня нового года.

Проснувшись, Сугуру Гето сразу понял: тело вернулось в норму. До истечения обещанных двадцати четырёх часов оставалось ещё немало времени, а значит, брат Акихара вернул им прежний облик досрочно.

— Мы сегодня едем на источники в Атами, поэтому брат вернул нас пораньше, — лениво пояснил Годзё Сатору. Он проснулся чуть раньше и теперь сладко потягивался на постели.

Когда они превратились в зверей, одежда осталась лежать на полу, так что, вернув человеческий облик, оба оказались абсолютно нагишом. Сугуру плотнее укутался в одеяло и, потеряв виски, глухо попросил:

— Сатору, сделай одолжение, подай одежду...

— Да вон она, на спинке кровати сложена, — хмыкнул тот. — И кстати, брат велел тебе зайти к нему в кабинет сразу после завтрака.

С этими словами Сатору поднялся. То ли вчерашнее превращение в кота давало о себе знать, то ли он сам по себе был таким, но в каждом его небрежном движении сквозила истинно кошачья грация и гибкость.

— Понял. А теперь выйди, мне нужно одеться.

Нащупав аккуратную стопку вещей, Сугуру выставил праздно шатающегося друга за дверь. Быстро умывшись и переодевшись, он спустился в столовую.

Внизу за обеденным столом только-только устроилось семейство Фусигуро.

— Мама, хачу... вот то! — Мегуми, смыслённый двухлетний карапуз, уже вовсю пытался орудовать ложкой сам. Получалось пока не слишком аккуратно, но родителям жизнь это облегчало знатно.

Эри положила в тарелку сына кусочек, на который тот указывал, и, заметив вошедшего, мягко улыбнулась:

— Доброе утро, Сугуру.

Юноша очень уважал Эри — она всегда была для него кем-то вроде старшей сестры, — поэтому вежливо поздоровался в ответ. Однако стоило ему сесть за стол, как он поймал на себе странные, заговорщицкие взгляды супругов Фусигуро.

Сугуру замер и отложил палочки обратно на подставку.

— Что-то не так, сестрица Эри?

Неужели он испачкался? Или Сатору успел как-то подпортить его одежду, пока он не видел? Встречаться с Акихарой в нелепом виде Сугуру не хотел категорически, а потому нахмурился, готовый осмотреть себя с ног до головы.

— Всё в порядке, тебе не о чем переживать, — поспешила успокоить его Эри.

Тодзи, сидевший напротив, лишь презрительно фыркнул. С недовольной миной он вытянул салфетку, бесцеремонно вытер прилипшие к щеке сына рисинки и подал голос:

— А ты смельчак, парень. Неужто за ночь позабыл, какой подорочек вчера преподнёс?

В столовой сейчас были только они четверо. Горничная, прибиравшаяся в дальнем углу, усердно делала вид, что полностью поглощена работой, и не вслушивалась в чужие разговоры.

Сугуру опешил. Сперва он даже не понял, к чему клонит Тодзи, но стоило вчерашним воспоминаниям вспыхнуть в голове, как лицо его вытянулось от изумления.

— Откуда вы... Постойте, к чему эти расспросы? Неужели брат Акихара...

Слова застряли в горле. Сугуру не решился закончить фразу.

«Он всё понял? Неужели он догадался о моих чувствах?»

Эри сочувственно кивнула, глядя на юношу с мягкой грустью:

— Да, Сугуру. Всё именно так.

Супруги узнали об этом не случайно: рано утром Акихара сам постучал к ним в спальню. Владыка демонов пребывал в таком замешательстве, что напрямую спросил у них совета, как деликатно отказать несовершеннолетнему ребёнку, признавшемся ему в любви.

Эри всегда отличалась проницательностью, а Тодзи и без того давно подозревал, что этот малец дышит к их покровителю неровно. Так что сложить дважды два им не составило труда. Разгадав тайну, супруги не оставили Акихаре выбора, и тому пришлось признаться, какой именно подарок он получил накануне.

— Я... пойду к нему, — выдавил Сугуру.

Аппетит пропал начисто. В висках застучала тупая, пульсирующая боль — запоздалое похмелье смешалось с паникой. Резко поднявшись из-за стола, он направился к кабинету Акихары.

Эри понимала душевное состояние Акихары куда лучше остальных. К тому же она была намного мягче и добросердечнее одного забинтованного манипулятора, обожавшего говорить загадками. Заметив смятение юноши, она негромко произнесла вслед:

— Сугуру, будь терпеливее. Господин Акихара сейчас и сам растерян. В некоторых вещах он порой чище и наивнее любого ребёнка.

Для существ, наделённых бессмертием, время — лишь застывшая ледяная река. А эмоциональная глухота — неизбежный спутник вечной жизни.

Кулаки Сугуру невольно сжались, но тут же расслабились. Молча кивнув, он вышел из столовой.

\*\*\*

\*\*\*Кабинет Акихары\*\*\*

Бессмертному не требовался сон. Акихара просидел всю ночь у окна, сжимая в руках бархатную коробочку и глядя на бледный свет луны. Открытие поразило его, но куда сильнее изумления было чувство абсолютной растерянности перед лицом неведомого доселе чувства.

«Я не могу просто проигнорировать это».

Будь на месте Сугуру кто-то другой — тот же Тацухико Сибусава или любой иной вздорный обожатель, — Владыка демонов выкинул бы эту глупость из головы без тени сомнений. Те были для него лишь послушными пешками, пусть и весьма полезными. Но Сугуру... Сугуру был особенным. Отмахнуться от его чувств, словно от дорожного сора, Акихара не мог.

И всё же, как поступить? Он совершенно не знал, что делать с этой искренней, пугающей привязанностью.

«И почему именно я? Что стало тем самым переломным моментом для его сердца?»

Словно столкнувшись со сложнейшей научной дилеммой, Акихара подпёр подбородок рукой, не сводя взгляда с изящного футляра на лакированном столе.

Раздался негромкий, нерешительный стук. Акихара уловил колебания проклятой энергии гостя ещё до того, как тот коснулся ручки.

— Войди, — отозвался он.

Сугуру переступил порог. Из-за лихорадочного роя мыслей голова разболелась с новой силой: казалось, мозг медленно поджаривают на углях.

— Ты не позавтракал? — Акихара сразу заметил бледность юноши. Слегка нахмурившись, он произнёс строго: — Подойди и выпей это.

Вчера на прилавках ёкайского рынка Сугуру приглянулось хмельное зелье с обманчиво мягким вкусом. Его коварный эффект проявлялся лишь наутро сокрушительной мигренью. Акихара предвидел это и заранее велел слугам добавить в утренний чай целебный отвар, но упрямый малец прибежал к нему натошак.

— Не нужно, я в порядке... — попытался возразить Сугуру. Физическая боль была ничем по сравнению с удушающей неопределённостью, терзавшей его изнутри.

Однако Акихара не стал слушать оправданий. Он бесцеремонно вложил тёплую фарфоровую чашку в дрожащие пальцы юноши и настойчиво усадил его в глубокое кресло.

— Сначала выпей. Или разговор окончен, и ты сейчас же покинешь кабинет.

Сугуру послушно припал к чашке.

Особый сбор, полученный когда-то от Ведьмы измерений, подействовал мгновенно. По телу разлилось благодатное тепло, прогоняя головную боль и снимая паническое мышечное напряжение. Лечебный эффект был лишь приятным дополнением — главным свойством этого чая было умение возвращать покой даже самой мятущейся душе.

— Ты ведь... узнал? — Сугуру поднял взгляд. Его тёмно-фиолетовые глаза смотрели с отчаянным упрямством. — Узнал о моих чувствах к тебе, верно?

Акихара опустил на стул напротив и спокойно кивнул.

— Да, я узнал.

Выбирая в подарок кольцо с лунным камнем, Сугуру не надеялся на столь скорую разгадку. Символика этого минерала была слишком обширной: долголетие, процветание, защита сна, исцеление души... Но среди сотен значений существовало одно, самое древнее и прекрасное — Камень влюблённых.

И надо же было случиться так, что Акихара, столь далёкий от подобных тонкостей, знал лишь это единственное толкование. словно сама судьба забавлялась, связывая их незримой красной

нитью.

Несмотря на выпитый чай, во рту у Сугуру пересохло. Сердце колотилось о рёбра с бешеной силой.

— И каков... твой ответ?

Взгляд Акихары смягчился, в нём промелькнула непривычная нежность, но голос прозвучал твёрдо:

— Прости, Сугуру. Я не могу принять твою любовь.

Изначально он планировал сказать, что видит в юноше лишь младшего брата — ведь именно так он до сих пор и определял их близость. Но когда утром он поделился своими мыслями с Эри, та тактично объяснила, что подобные фразы ранят сильнее всего и звучат как дешёвая отговорка трусливого соблазнителя.

Акихара не до конца понял женскую логику, но спорить не стал и выбрал другой аргумент.

— Ты ещё не вырос. Разница в возрасте слишком велика, чтобы мы могли говорить о подобных отношениях.

— А когда я вырасту — тогда смогу? — тут же спросил Сугуру.

Если преграда заключалась лишь в возрасте, он был готов ждать сколько угодно, чтобы повторить свои слова вновь.

Юноша подался вперёд, и в каждом его жесте сквозило такое непоколебимое упрямство, что Акихара невольно растерялся.

Похоже, этот довод тоже не сработал.

Красноглазый повелитель демонов судорожно перебирал в голове варианты ответов, отчаянно пытаясь найти слова, которые охладят бы пыл юноши, но не ранили его душу. Великому и ужасному владыке ещё никогда не приходилось тратить столько сил на размышления. Да и его попытки отказать походили скорее на неуклюжую заботу, нежели на твёрдое «нет».

Тревога, ещё мгновение назад сжимавшая тисками грудь Сугуру, внезапно отступила.

Он вдруг осознал удивительную вещь: он невероятно дорог Акихаре.

Этот грозный, безжалостный человек просто не способен причинить ему боль — даже когда пытается отвергнуть его.

В голове эхом отозвались недавние слова Эри:

«Сугуру, будь терпеливее. Господин Акихара сейчас и сам растерян. В некоторых вещах он порой чище и наивнее любого ребёнка».

Кажется, он с самого начала выбрал неверную тактику. В этой игре ведущая роль принадлежала не Акихаре, а ему самому.

Что ж, значит, он сам должен стать тем, кто бережно и терпеливо научит этого грозного бессмертного любить.

<http://bllate.org/book/19395/2004816>